

принести историкам и краеведам ценнейшие сведения по истории быта ярославской деревни рубежа XIX — XX веков, особенно «Записки сельского священника» и автобиографический роман «Без названия». А заодно восстановить ещё одно имя на литературной карте губернии — Иван Ширияев, «эсперантский Достоевский».

Перевод предлагаемого читателям рассказа «На волшебном месте (рассказ о русском священнике)» выполнен ярославским любителем Маратом Андаржановым специально для данной публикации.

Архивные изыскания, статья
и подготовка публикации
Тимура Бикбулатова

Иван ШИРЯЕВ

На волшебном месте

Рассказ о русском священнике

Однажды в полночь я только что закончил статью, давно обещанную одному журналу, чьим сотрудником я являлся. Сидя в кресле, я, с чувством удовлетворения в душе, курил сигарету и думал. Кругом царила тишина, только где-то под полом шуршала мышь, и капли стучали время от времени по железной крыше. Сон упорно манил меня в свои руки.

Вдруг громкий навязчивый стук в дверь привёл меня в трепет. Оказалось, меня зовут — в деревне Кувшиново произошло преступление: юный проказник, недавно женившийся, в раздражении ранил отца топором. Раненый потерял сознание и теперь, несмотря на поздний час, меня приглашают для... его причащения.

Быстро одевшись и взяв необходимые вещи, я через одну-две минуты уже сидел в санях. Хотя стояла ранняя весна, погода была тёплой и светлой, но половину неба закрывали облака, из которых сыпались редкие капли. Мой кучер — Яков Петров, один из самых бедных крестьян деревни, сидел в передней части саней. Его маленькая худая лошадейка и поплелась уныло в деревню.

Кувшиново в моём приходе самая далёкая деревня, лежащая в шести верстах от церкви. Недавно получив этот приход, я посетил деревню не более чем четыре раза и знал хорошо только двух-трёх её жителей, в числе которых был также кучер.

В начале дороги я узнал от него о деталях происшествия, и, признаюсь, холодок страха пробежал по моим членам.

Кляча бежала не быстро. Вскоре пошли бесчисленные ямы и ручьи, часто рыхлый снег не выдерживал тяжести животного, и оно едва выбиралось на поверхность. Слякоть, холод, даже хлыст помогали плохо — мы еле продвигались вперёд. Время позднее, усталость и скука, усиленные медленной ездой, победили меня, и я заснул.

Не знаю, долго ли я спал, но, когда поднял голову и открыл глаза, долго не мог понять, где нахожусь. Над моей головой в тумане смутно мерцали редкие звёзды. Оглядевшись повнимательнее, я заметил с удивлением, что кляча стоит неподвижно по колено в воде. Кучер отсутствовал. Нигде не видно какого-либо признака дороги.

Моя ситуация была безнадежна: без кучера я не мог куда-то направить лошадь, боясь попасть в топкое болото или в глубокое место и погубить животное, так как совсем не знал местности, оставить сани и продолжить путешествие пешком я также не мог. Что делать? Что предпринять?

Осторожно выпрямившись, я ещё раз огляделся, надеясь на что-то, но, куда бы я ни смотрел, везде видел лишь чёрную воду и чёрные силуэты деревьев. С огорчением я ударил лошадь, она задрожала, мотнув головой. Хлестнул второй раз, она сердито топнула ногой и обрызгала мою рясу фонтаном холодной воды. Я бросил кнут и громко закричал:

— Яков!.. Где ты?.. Э-эй!..

Эхо прогремело, как гром, пронесаясь над водной равниной. С ближних деревьев поднялись какие-то большие беспокойные птицы и, тяжело взмахнув своими крыльями, сделали круг в воздухе и медленно исчезли в густом тумане. И опять наступила тишина.

Видимо, кучер пошёл искать дорогу. Я, накрывшись рясой, решил терпеливо ждать его возвращения. Разумеется, он не мог пропасть бесследно.

Я ждал недолго, вскоре услышал плеск воды, и из-за кустов появилась тихая фигура Якова. Он был совсем мокрый. Сев на край саней, кучер медленно снял свои сапоги и так спокойно, как будто это было обычным делом, вылил из них воду.

— Мы сбились с пути! — сказал он с недовольством. — Я искал, искал дорогу — не нашёл!.. С Божьей помощью выбрался к вам. Я уже думал, что умру там в болоте... Место совсем незнакомое... Конечно, мы попали в дурное место!.. Теперь останемся здесь до утра: с рассветом найдём дорогу.

Его спокойствие привело меня в негодование.

— Как? Мы останемся здесь мокрые до утра?.. Мы можем простудиться!.. И как же наш раненый?.. Он умрёт не причащённым!..

— Как вы пожелаете, батюшка! Однако знаю точно — до утра мы не найдём дороги. Мы находимся в заколдованном месте...

— Что ты говоришь?.. Какое заколдованное место?.. Ты сошёл с ума? Подстегни лошадь!..

Яков недоверчиво покачал головой, оценивая лошадь, и снова ошетинился, как ёж. Под ударом хлыста кляча пошла, еле-еле передвигая ноги. Брызги дождя падали на нас. Сани то бегло плыли по поверхности воды, то касались стволов и останавливались, наклонившись в сторону, угрожая опрокинуть нас в воду. Мы долго ехали, не зная куда и доверяя только инстинктам животного. Безлиственные ветки деревьев безжалостно хлестали наши руки и лица. Яков неподвижно сидел на своём месте и упорно молчал, время от времени нагибая голову и крестясь.

— Сбережёт нас Бог!.. — сказал он после долгой паузы. — Вы, батюшка, слышали, будто бы чей-то крик?.. Говорят, что это кричит она... Я боюсь...

— Кто «она»? — спросил я с недоверчивой улыбкой на губах.

— Не место, не время, милый батюшка, разрешите рассказать потом. В этом месте бродит она... Душа её неспокойна. Если кто-нибудь из нас поедет ночью, она непременно будет пугать нас своими стонами и криками до самого утра... Иногда она старается даже погубить странников в какой-нибудь тине или бездонном болоте... Только молитва и... Вот опять слышен крик!..

— Я не слышал ничего... Постыдись, ты не маленький мальчик!..

— Вы, батюшка, недолго жили, вы не знаете... Да сбережёт нас Бог!.. — сказал он быстро и, снова перекрестившись, вскрикнул: — Успокойся!.. Мы люди... Божьи...

— Верите какому-то ночному крику... Готовы поверить суевериям, бабьим рассказам о каких-то душах странников...

— Вы думаете ничего нет? Однако, как громко она кричала!.. Я думаю, даже вы услышали, батюшка?..

Действительно, какие-то необычные звуки я слышал. То казалось, что кто-то просил и молил о помощи, то казалось, кто-то, подобно нам сбившись с пути, надеется отыскать вблизи жилое место. Впечатления, переживания в течение пути, нервное настроение кучера и ночное время создали какие-то основы для фантазии. Вскоре крик повторился где-то вблизи нас и после снова повторился с новой силой уже сбоку. Казалось, что действительно какая-то дурная душа летала то там, то в другом месте, для того чтобы испугать нас. Крик звучал чаще и громче. Стало ясно, что кричал человек, хотя его слова были непонятны. Кучер дрожал от страха, как лист на ветру, и кричал:

— С нами Бог!.. Успокойся!.. Мы люди Божьи!..

Страх проник даже в моё сердце, и странное предчувствие близкой опасности сковало мои члены. Напрасно я пытался успокоиться, напрасно пристально смотрел: за густым туманом представлялось одно непроницаемое серое пятно. Не имея ни ружья, ни палки, я сжал кулак, для того чтобы встретить врага не беззащитным.

Точно в тот же момент на некотором расстоянии повторился крик: я услышал его где-то в стороне, в мёрзлом снегу. Ужас искривил лицо, инстинктивно сжались кулаки, и я тоже закричал во весь голос:

— С нами Бог!.. Мы люди Божьи!..

Одновременно лошадь остановилась, и к нам вышел кто-то. Его лицо и тело были скрыты в тумане, только длинную руку протянул он над нашими санями и, кажется, умолял о чём-то.

— Прочь!.. Я убью тебя!.. — кричал кучер.

— Исчезни!.. С нами Бог!.. — я повторял неистово слова кучера.

Сколько времени это продолжалось, я не знал; так же я не знал, что случилось, я не имел какого-либо оружия.

— Отец Иван! Это вы?.. Не бойтесь!.. Разве не узнали меня?.. Я был вашим знакомым... бывший почтальон Василий Сергеевич из Архангельска...

Как будто большая гора упала у меня с плеч, когда я услышал его хорошо знакомую речь. На лице выступил тёплый пот, но нахлынула непонятная неподдельная радость вместо недавнего страха.

Кучер не сразу успокоился. Он ещё долго ощупывал встреченного обеими руками и разрешил ему сесть в сани, не раньше чем произнёс перед ним молитву для изгнания бесов и трижды перекрестил его. Встреченный, так же как и мы, сбился с пути. Пройдя большой путь через бесконечное болото, он промок, как губка, и дрожал от холода. К счастью, лошадь быстро нашла какую-то дорогу, вскоре приведшую нас в Кувшиново. Раненого я нашёл ещё в сознании и причастил его.

Гостеприимный Яков дал нам сухую одежду и напоил горячим чаем и водкой. Его маленькая тёплая комната, с угольной стеной и потолком, после нашего долгого блуждания в холоде и воде, показалась нам настоящим раем. Выпив по три-четыре стопки, мы согрелись, забылись и стали весело разговаривать. Василий Сергеевич тоже ничего не знал о плохой славе места, откуда мы только что выбрались, и хозяин охотно рассказал нам о нём.

Во времена крепостного права в соседней деревне было поместье сурового графа Змиева, известного своей жестокостью и бессердечностью. В той же деревне жила Зоя — девушка необыкновенной красоты. У неё был жених — кузнец из того же села, который любил её до самозабвения. Их родители, довольные выбором своих детей, только и ждали с нетерпением осени, когда кончатся сельскохозяйственные работы и можно будет устроить свадьбу.

Пришла долгожданная осень. Закончились все сельские работы и прекратился непрестанный труд. По привычке, существующей в то жестокое время, жених и невеста должны были перед свадьбой посетить своего господина, просить его дать согласие на будущую свадьбу и подарить подарок. Со страхом в сердце жених и невеста робко вошли в дом графа. На его дворе стояли кучеры соседского помещика и собрались все пустобрёхи, а из окон дома звучало весёлое пение и музыка. Граф вскоре узнал, что пришла молодёжь, и приказал тотчас привести их.

С первого взгляда красивая Зоя понравилась графу, и её судьба была решена бесповоротно. Сердито нахмурив брови, граф закричал на ни в чём не повинного жениха, и несколько слуг с насмешками и громким свистом прогнали его со двора. Девушка решительно отказалась участвовать в увеселениях господина и его пьяных гостей, после бесплодных уговоров ближайшей ночью её с позором высекли.

Её заперли в бедной тесной комнате и раздели, чтобы она не могла убежать. Однако она решила добраться домой к своему любимому. Найдя где-то длинную верёвку, она, абсолютно голая, спустилась вниз через окно. К несчастью, её побег вскоре заметили. Большая толпа слуг, как собачья свора, была послана с распоряжением найти и вернуть Зою. В густых болотных кустах они настигли её. Душераздирающий крик, просящий о милости, смешался с собачьим лаем и нескромными оскорблениями распутной банды. В следующий момент, когда показалось, что не осталось никакой надежды на спасение или защиту, когда собаки неистово были готовы кинуться к ней, нагой, и разорвать её, вдруг появился жених. Сказав ей тихонько несколько ласковых слов, перед тем как собаки набросились на девушку, он закрыл невесту своим сильным телом. Потом он взял её руки и громко крикнул:

— Успокойтесь!.. С нами Бог!..

В тот самый момент собаки впилась в жениха и невесту.

Граф, узнав о случившемся, решил сам осмотреть погибших. Он захотел освободить тело девушки из рук любимого, но любая попытка оставалась напрасной: их руки, как железо, невозможно было разъединить. Долго тела лежали не зарытыми, пока их не похоронили благочестиво на этом же месте.

— С тех пор, — закончил рассказчик, — по сегодняшний день душа девушки бродит среди деревьев и болота. Её стоны и крики слышат непрестанно: она молитвенно просит и угрожает мстостью. Будет несчастен тот человек, которого она встретит на своём пути: до рассвета он не найдёт потерянной дороги, если не погибнет в болоте.

Только память любимого она пощадила, навсегда запомнив его последние слова: «Успокойтесь!.. Мы люди Божьи!..»

Перевод с эсперанто
Марата Андаржанова